

член-корреспондент РАН
В.Е.Багно

(Санкт-Петербург)

НАСЛЕДИЕ Д.С.ЛИХАЧЕВА И ИЗУЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В предисловии к первому выпуску альманаха «Канун» – «Русские утопии» - Д. С. Лихачев в свойственной ему метафорической манере писал о том, что мы полностью зависим от мифов и стереотипов, в которые закапсулирована вся наша жизнь: «Мы живем мифами. Мифы окружают не только историю, но и наши личные воспоминания. В мифы закапсулированы наши родные и знакомые, наши города и села. Мифами бредит страна и рвется к будущему, борясь с мифами и имея мифы где-то перед собой. Смею утверждать, что в своем поведении и отдельных поступках человек имеет в виду прежде всего мифы. Мифы выходят за пределы наших представлений об истинном и ложном».¹

Вот один из примеров мифа, в которые «закапсулированы» наши представления. Многие убеждены, что Лихачев писал только о русской культуре, только ею и интересовал-

¹ Лихачев Д.С. Без тумана ложных обобщений // Русские утопии. Альманах «Канун». Вып. 1, СПб., 1995, с.9.

ся. Это не так и не могло быть так. Он родился в Петербурге, одной из европейских столиц. Поступив в университет, он выбрал романо-германскую секцию, потом уже стал заниматься и на славяно-русской. И дипломные работы Дмитрий Сергеевич написал две: одну о Шекспире в России в конце XVIII – самом начале XIX век, другую – о патриархе Никоне. Одним из учителей Лихачева в университете был В.М.Жирмунский, крупнейший компаративист XX столетия. Дмитрий Сергеевич вспоминал: «Настоящей школой понимания поэзии были занятия в семинарии по английской поэзии начала XIX века у В.М.Жирмунского. Мы читали с ним отдельные стихотворения Шелли, Китса, Вордсворта, Кольриджа, Байрона, анализируя их стиль и содержание».¹ Поэтому нет ничего удивительного в том, что впоследствии Лихачев внес огромный вклад в изучение роли Византии, Скандинавии и южных славян для России, и в том, что он всю жизнь размышлял о месте русской культуры в контексте мировой.

Д.С.Лихачев был всегда убежден в том, что только в общении, взаимообогащении и обмене – залог развития и процветания культур. «Литературы живут взаимодействуя», – утверждал он, – и формы этого взаимодействия литератур являются частью их структуры: той структуры, в которую они входят, и той структуры, которую они развивают внутри самих себя».²

Как все мы хорошо знаем, медевисты и специалисты по литературе Нового времени не часто работают в тесном контакте. Некоторые аргументы, тезисы, выводы и обобщения Д.С.Лихачева, связанные с его исследованиями древнерусской литературы, бесспорно, имеют общий смысл и позволяют по-новому взглянуть на русскую литературу XVIII – XX веков. Отмету лишь некоторые из них.

Размышляя о закономерностях русско-византийских литературных отношений, Лихачев сформулировал закон, имеющий едва ли не универсальный смысл для понимания

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания // Лихачев Д.С. Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006, Т.1, С. 118.

² Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X –XVII веков. Л., 1973, С. 16.

межкультурных связей: «Сейчас подчеркнем одну особенность этих внутренних потребностей культуры: потребности эти сказываются сильнее и определеннее в переносе целого, чем в переносе отдельных элементов культуры, ее единичных проявлений. Создание той или иной рукописи памятника, того или иного перевода, переделки, свода исторических или природоведческих сочинений может быть вызвано случайными причинами: переездом того или иного лица, частными потребностями монастыря, индивидуальными склонностями заказчика, но в явлениях массового характера, повторяющихся, связанных друг с другом, всегда сказываются общие потребности, потребности общества, а не отдельных лиц, потребности закона, а не "благодати", потребности необходимости, а не свободы».¹

Межкультурным связям Д.С.Лихачев всегда придавал очень большое значение, призывая изучать их в динамике их развития. Он обращал внимание на то, что, если в XI – XIII веках обширность культурной общности Древней Руси обеспечивала высокий уровень ее культуры, то в дальнейшем этот уровень сохранился прежде всего благодаря тому, что сама орбита не уменьшилась, хотя ослабела интенсивность этих связей. При этом Дмитрий Сергеевич с редкой последовательностью продолжал настаивать на том, что только европейская орбита общности оставалась единственной и во все последующее время. «Влияние Востока на формы политической жизни России», – утверждал он, – совершилось за пределами духовной культуры, было враждебно культуре». ² Лихачев высказывает здесь чрезвычайно перспективную для компаративистских исследований мысль, по-своему разничающую теорию «встречных течений» Александра Веселовского. Суть ее сводится к тому, что глубокое и плодотворное творческое усвоение возможно лишь при добровольности выбора, а насилие не порождает культуры. Поскольку «сожительство» с татаро-монголами

¹ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. С. 20.

² Лихачев Д.С. Русское Предвзрождение в истории мировой культуры (комментированное изложение концепции) // Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. А., 1985, С.317.

было вынужденным, то Русь осталась для своих поработителей потонувшим Китежем, и, наоборот, значительно более мощным было «восточное» воздействие (в частности, восточного эпоса) до татаро-монгольского завоевания и после него (прикладное искусство, зодчество, письменность).

Первостепенное значение для текстологов, занимающихся средневековыми текстами разных народов, имеет специальная глава – «Особенности изучения текста переводных произведений» - в книге Алихачева «Текстология». Подчеркну, что и здесь выводы Алихачева оказываются универсальными, т. е. в высшей степени перспективными для исследователей не только смежных культур, но и смежных эпох. Приведу лишь один, обобщающий тезис: «Итак, древнеславянские переводы – это не единовременный акт. Жизнь переводных произведений так же длительна, как и жизнь оригинальных, но она еще более сложна, поскольку в ней, кроме обычной жизни текста, особую роль играет соотношение с тем иноязычным текстом, с которого перевод сделан».¹

Д.С.Алихачев внес свой вклад в изучение феномена культурного посредничества - одной из центральных и одновременно одной из самых сложных проблем в изучении культурных связей между народами. Алихачев предложил распространить этот термин на наднациональные литературы, которые существовали на священно-ученых языках средневековья: латинском, церковнославянском, арабском, санскрите. Он убедительно доказал, что основу этой великой единой наднациональной литературы-посредницы для южных и восточных славян составила древнеболгарская литература.

В ряде своих работ Алихачев доказал недостаточность терминов «перевод», «влияние», «восприятие» при рассмотрении византийского воздействия на древнерусскую культуру. Предлагая термин «трансплантация», настаивая на том, что речь шла о масштабном «переносе», сопровождавшемся переосмыслением, творческим освоением «переносимых» явлений культуры, Алихачев, в сущности, восста-

¹ Алихачев Д.С. Текстология. Л., 1983, С. 436.

навливал в своих правах исконное значение термина «*translatio*» - одновременно «перевод» и «перенос». «Все изложенное, - отмечает он, - позволяет выделить категорию явлений культурного воздействия Византии, в которых мы должны видеть не проявления "влияния", а проявления трансплантации византийской культуры на славянскую почву. Памятники пересаживаются, трансплантируются на новую почву и здесь продолжают самостоятельную жизнь в новых условиях и иногда в новых формах, подобно тому, как пересаженное растение начинает жить и расти в новой обстановке». ¹

Концепция русского Предвозрождения, к которой Дмитрий Сергеевич на протяжении многих лет неоднократно возвращался, наиболее детально изложена в книге «Развитие русской литературы X – XVII веков» (1973). При этом любопытно, что именно на этой своей теории Лихачев никогда особенно не настаивал, как бы изначально соглашаясь с доводами оппонентов. Более того, будучи истинным и блестящим полемистом, утверждая, что, собственно, Возрождения в России не было и не могло быть, размышляя над теми особенностями, которые могут быть истолкованы, как «предвозрожденческие», он доводы скептиков и возможных оппонентов вводил в собственный текст. Так, развивая аргументацию о «своей античности», т.е. периоде домонгольского расцвета древнерусской культуры, которая была проникнута теми же христианскими основами, что и культура XIV – XV веков, Лихачев утверждает: «Между тем наибольшее оплодотворяющее значение имеет всегда культура "тузкая, культура иного характера, иного типа. Именно "другая" культура, встреча двух разных культур обладает наибольшими "генетическими способностями"». ² Теория была разработана под прямым воздействием работ Н.И.Конрада, при этом Лихачев всегда был очень осторожен в употреблении терминов и в обосновании своих взглядов и настаивал лишь на возможности постановки вопроса о чертах «Предвозрождения», т.е. лишь об аналогиях и

¹ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. С.21-22.

² Лихачев Д.С. Прошлое – будущему. Л., 1985, С.322.

предвестьях явления, которое в силу исторических условий не перешло в Ренессанс. Вместе с тем не случайно Дмитрий Сергеевич указывал на очевидные аналогии между особенностями культурной жизни России XIV – XV веков и западноевропейской готикой: «Русское Предвозрождение – отдаленный аналог поздней готики».¹ На мой взгляд, Лихачев на самом деле обосновал своеобразие не «Предвозрождения», а позднего средневековья в русской культуре. В этом смысле я согласен с давним оппонентом Д.С.Лихачева, А.Х.Горфункелем, выступившим на последних Лихачевских Чтениях с развитием своих взглядов.

Но сама постановка вопроса о русском Предвозрождении в работах Лихачева еще в 1940-е годы была в высшей степени своевременна и продуктивна. С одной стороны, концепция Лихачева оспаривала оценочный подход в вопросе о средневековье и Ренессанс, с другой, она, со всей очевидностью подтвердив тезис об обращении к «своей античности», заставила по-новому взглянуть на роль культурного наследия. Знаменательно, что, основываясь на своих представлениях о русском Предвозрождении, Лихачев сформулировал оригинальную концепцию русского барокко, которое, с его точки зрения, вынуждено было взять на себя некоторые функции не развернувшегося в России Ренессанса, и носило во многом просветительский, «ренессансный» характер.

Наконец, эта, возможно, не самая бесспорная из многочисленных выдвинутых Д.С.Лихачевым теорий, доказывала неотторжимость России от мирового и особенно, европейского культурного процесса и в то же время со всей наглядностью демонстрировала своеобразие ее культуры в общем контексте. В этом отношении Лихачев сделал очень много. Достаточно вспомнить его рассуждения о «стилях эпохи», т.е. о великих стилях, общих по крайней мере для христианской цивилизации, охватывающих литературу и разные виды искусства и проявляющихся в разных странах. Например, «романский» или «монументальный» стиль

¹ Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X – XVII веков. С.123.

(Лихачев настаивал на термине), общий для всей Европы в IX - XII веках.

Как известно, для Д.С.Лихачева наука о самых разнообразных проявлениях культуры всегда была неотторжима от деятельности по защите памятников культуры. Он не только обосновал в одной из самых известных своих книг – «Поззия садов» - взаимозависимость и взаимообусловленность представлений разных народов о садово-парковом искусстве, но сумел спасти некоторые парки от исчезновения и выступил с инициативой создания в парке Монрепо единственного в России скального ландшафтного парка-заповедника. Знаменательно, что для Дмитрия Сергеевича этот парк был наивысшим проявлением синтеза русского, финского и западно-европейского парков, а, следовательно, шире – синтеза представлений разных народов о прекрасном.

С другой стороны, не видя принципиальных различий между науками об обществе и науками о человеке, он, опираясь на свои познания в области культуры, в частности, садово-паркового искусства, размышлял о национальном характере. Так, в очерке «Первые впечатления о Японии» Дмитрий Сергеевич писал: «Одна из эстетических задач русских усадебных садов – раскрывать перед гуляющими разнообразные виды в даль, “уводить глаза к горизонту”. Японские сады, хотя сами по себе и велики, но являются “большими для себя”, приковывают взор к частностям, создают “чувство огромности при помощи разнообразия».¹ Тем самым религиозное восприятие мира, полагает Лихачев, по-разному выражается русскими и японцами: русские стремятся в быстром движении охватить весь мир, японцы умеют в маленькой капле видеть космос. В культуре у русских это же религиозное отношение к миру проявляется в стремлении к созданию больших гипотез, новых парадоксальных идей, у японцев – во внимании к любой детали, в подчеркнутой точности во всем.

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. Редукция. Работы разных лет. Т. 2, С.353.

Все чаще в последние десятилетия своей жизни, обращаясь к культуре XX века, Д.С.Лихачев призывал изучать наследие русских эмигрантов не только как явление русской культуры или, наоборот, как культуры западноевропейской, в тех случаях, когда эмигрантам удавалось адаптироваться к инонациональной культурной среде, но и как мост, как посредника в культурном обмене между Россией и Западом.

«Россия – европейская страна», - с редкой настойчивостью повторял Д.С.Лихачев в интервью, дискуссиях, статьях, докладах. Европейская по крови и по вере. В работе Лихачева «Крещение Руси и государство Русь» читаем: «Скажу кратко, что принятие христианства Владимиром из Византии оторвало Русь от магометанской и языческой Азии, сблизв ее с христианской Европой. Хорошо это или плохо, пусть судят читатели». ¹ И вместе с тем, коль скоро мы задолго до петровских реформ находились и находимся в Европе, он предлагал «прорубить окно в Древнюю Русь».

Особенно подробно Лихачев обосновывает свою концепцию безоговорочной принадлежности России к Европе в статье «Три основы европейской культуры и русский исторический опыт». Дмитрий Сергеевич доказывает здесь, что русская культура всецело принадлежит европейской, поскольку, имея христианские корни, обе они наделены тремя основополагающими и взаимообусловленными особенностями: каждая из них, будучи культурой личностной, воспринимчива к другим культурам, а, следовательно – универсальна. И, наконец, и европейская и русская культура основываются на свободе творческого самовыражения личности. Именно поэтому, полагает Лихачев, «всечеловечность», отмеченная Достоевским, как отличительная особенность именно русского человека, является общей основой европейской христианской культуры в целом, и тем самым в высшей степени присуща русской культуре, как ее неотъемлемой части.

¹ Лихачев Д.С. Воспоминания. Редакция. Работы разных лет. Т.2, С.104.

«Россия никогда не была Востоком», - полемизируя с евразийцами, неоднократно заявлял Лихачев. Парадоксальное объяснение его недоверия к «Востоку» можно найти в его шутливой «Биографии «академика Космической Академии наук», сохранившейся в его архиве: «Японская война дала Дмитрию Сергеевичу несколько раскосые глаза /.../, а также всплыла в нем несколько недоверчивое отношение к Востоку».¹

Лихачев доказывал, что Россия скорее была Скандинавией, чем Евразией, что ось «Север – Юг» имела для России неизмеримо большее значение, чем ось «Восток – Запад».

Прошло не так много лет со дня кончины Лихачева, но история показала, что Дмитрий Сергеевич был прав, когда он настаивал на том, что для России, да и для европейской цивилизации в целом, противостояние Севера и Юга имеет по крайней мере не меньшее значение, чем противостояние Востока и Запада. Несмаловажно при этом, что, констатируя это, он настаивал на особой предрасположенности и готовности России к синтезу и к объединению этих начал.

Дмитрий Сергеевич был выдающимся художником и выдающимся мыслителем (а не только великим ученым, как все мы знаем). Будучи художником, он не обязан был всегда быть последовательным. Так, в статье «Древний Новгород как столица – предшественник Петербурга» находим изумительный по красоте пассаж о России, «причалившей» к Европе. Как бы споря с самим собой, утверждающим однозначно европейскую субстанцию России, Лихачев пишет: «Устье, на котором воздвигнут Петербург, – на границе моря и реки /.../. Здесь, на границе с морем, Россия как бы братались с Европой, причаливала к Европе, создавала свою культуру, которая, в сущности, не была ни Европой, ни «Московией». Здесь Россия, «причалив» к Европе, не сделалась Европой – но и «Московией» не осталась».² Трудно согласиться с тем, что Д.С.Лихачев не осознавал, что «пограничное», если не между «Востоком» и «Западом», то во вся-

¹ Лихачев Д.С. Воспоминаны. Раздумья. Работы разных лет. Т.1, С.378.

² Лихачев Д.С. Воспоминаны. Раздумья. Работы разных лет. Т.2, С.129.

ком случае между «Севером» и «Югом» положение России сыграло свою роль, что ее культура, к примеру, по этой причине неизбежно была одновременно более «закрытой» и более «открытой», чем культура «непограничных» народов. Осмелюсь предположить, что Дмитрий Сергеевич как ученик и как художник отдавал должное отдельным тезисам евразийской доктрины, однако, по-видимому, как гражданин, с недоверием относился к идеям евразийцев, считал эти идеи опасными для сегодняшней России, считал своим долгом смягчать их воздействие на умы.

Д.С.Лихачев был убежден, что, подобно Японии, твердо себя утвердившей в современной цивилизации Запада, и в то же время гордящейся всеми своими поразительными древними церемониями и обрядами, Россия должна научиться бережно сохранять все то, что отстоилось за века в ее истории, ее вере, ее культуре, ее национальном характере. Как истинный русский европеец, Лихачев полагал, что благом для России, ныне заново осознающей себя европейской страной, является возвращение к истокам, ибо именно они являются безусловной ценностью как для нас, так и для других народов.

Откликнувшись на мое предложение принять участие в Международном коллоквиуме «Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания», проходившем в Пушкинском Доме в 1994 г., Д.С.Лихачев выступил с докладом на тему «Два типа границ между культурами» и выдвинул чрезвычайно важный тезис о значении «границ» в культуре, о границе, которая одновременно разделяет и объединяет. Огромное значение имеют размышления Лихачева о роли пограничных явлений в культуре.

Д.С.Лихачев всегда был открыт к диалогу: между интеллигенцией и народом, между либералами и почвенниками, между старшим поколением и младшим, между прошлым и будущим, между русской культурой и зарубежной. Быть всякого сомнения, он придавал диалогу культур огромное значение именно потому, что он сам всегда был нацелен на диалог.

Изучать русскую литературу, а отчасти и русский фольклор и шире – русскую культуру, включая живопись и архитектуру, на всем протяжении ее развития, при этом, как я попытался показать, в широком международном контексте, оказался способен в XX столетии только Д.С.Лихачев. На мой взгляд, Лихачеву удалось, помимо прочего, создать свою школу литературоведческой компаративистики, предметом изучения которой была главным образом древнерусская литература в контексте мировой. Школу, аналогичную школам В.М.Жирмунского, Н.И.Конрада, М.П.Алексеева, у которой была своя методика, свой предмет изучения, свои достижения, но, главное, свои ученики и последователи. И у которой, вне всякого сомнения, - свое будущее.